

УДК 947.(571)

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В СИБИРЬ В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

М. В. Дорофеев, М. В. Семиколонов

THE INFLUENCE OF NATURAL-GEOGRAPHIC FACTOR ON RESETTLEMENT IN SIBERIA DURING STOLYPIN'S AGRARIAN REFORM

M. V. Dorofeev, M. V. Semikolenov

Массовые переселения в Сибирь в 1906 – 1914 гг. должны были разрядить аграрный кризис в центре страны. К 1900 г. количество «лишних» крестьян составило 23 миллиона человек. Количество удобных земель, пригодных для земледелия, в Сибири было недостаточно для обеспечения земельными наделами всех желающих, что не учитывалось правительством П. А. Столыпина. К 1914 г. колонизационный земельный фонд был исчерпан.

Ключевые слова: земельный вопрос; аграрный кризис; переселенческая политика.

The mass resettlement in Siberia in 1906 – 1914 was to unloaded the rural crisis in the center of the country. By 1900 “superfluous” peasants amounted 23 million of people. The quantity of the convenient lands suitable for agriculture in Siberia was not enough to provide all people with the lands they wished. This fact was not taken into account by Stolypin’s government. By 1914 the fund of settlement lands was exhausted.

Keywords: the problem of land; the resettlement’s politic; the agrarian crisis.

Юбилейные даты, помимо воспоминаний, заставляют анализировать события ушедших эпох, задаваясь вопросом: «Что было бы, если бы...?». 150-летняя годовщина со дня рождения П. А. Столыпина вновь возвращает нас к широкомасштабной аграрной реформе, получившей в отечественной историографии название «Столыпинской». Историки уже обращали внимание на то, что в целом реформы П. А. Столыпина научно не прорабатывались и даже игнорировались предыдущие исследования в этой области [1, с. 80]. Отношение к результатам так и не завершённой реформы не однозначно. Оценки варьируются от восторженного восприятия до негативного. Что касается сибирской составляющей реформы, то есть массовых переселений мало- и безземельных крестьян за Урал, то в советский период был вынесен категорический приговор – «крах». Причём эта оценка основывается на значительном количестве обратных переселенцев, по разным подсчётам до полумиллиона совершенно разорившихся, озлобленных на власть крестьян, ставших «горючим материалом» революций 1917 г.

Перед правительством, которое летом 1906 г. возглавил П. А. Столыпин, стояли следующие задачи: при сохранении в неприкосновенности помещичьего землевладения необходимо было освободить крестьян от общинной зависимости и предоставить желающим землю бесплатно в личную собственность. Одним из основных направлений реформы было переселение мало- и безземельных крестьян на окраины империи, в том числе и в Сибирь.

Сама идея переселения избыточного населения на окраины империи не нова. Указ 10 апреля 1822 г. «О дозволении крестьянам переселяться на земли сибирских губерний», узаконивал практику народной колонизации, однако при этом государство не желало брать на себя бремя расходов по переселению. В 1837 г. глава Министерства государственных иму-

ществ П. Д. Киселев, намечая ряд мер для устранения малоземелья государственных крестьян, предложил программу переселений крестьян из центральных малоземельных губерний на юг Украины, в Заволжье и Сибирь.

Само переселение теснейшим образом связано с земельным обеспечением переселенцев, поэтому правительство стало предпринимать шаги по изучению земельного вопроса в Сибири [2, с. 30]. Переселение крестьян в Сибирь потребовало организации землеотводных работ, в основе которых лежало проведение межевания [3, с. 4]. Первые работы по съёмкам и разграничению земель были открыты в Сибири землемерами ведомства Министерства юстиции еще в конце XVIII в., но фактически никакого размежевания произведено не было [4, с. 573]. На протяжении нескольких десятков лет предпринимались попытки выяснить размер земельных ресурсов Сибири, степень обеспечения государственных крестьян землей, а также соотношение земель, занимаемых русскими крестьянами и местным населением [5]. Как отмечал правительственный чиновник А. А. Кауфман, работы по наделению крестьян и по разграничению их землеустройства проводились «лишенные порядка и системы с конца 1830-х до середины 1880-х гг.» [6, с. 11].

Был необходим закон о землеустройстве в Сибири, поэтому на свет появились проекты Иркутского генерал-губернатора И. Л. Горемыкина и подготовительной комиссии Министерства земледелия (1893 г.). Высочайше утвержденный межведомственной комиссией (1894 г.) окончательный проект был внесен на обсуждение Государственного совета и 23 мая 1896 г. был утвержден императором [7]. Таким образом, проект стал законом, на основании которого проводилось поземельное устройство казенных крестьян четырех губерний Сибири. Этот закон должен был решить «один из наиболее наболевших и важных вопросов

государственной жизни, которым является переселенческий вопрос, имеющий двойную задачу: экономическую регуляционную и колонизационную», – писали газеты того времени [8].

Закон вводил норму земельного надела 15 десятин «удобной земли» на душу мужского пола, а также 3 десятины леса. На первый взгляд, это не мало, но что можно считать «удобной землей»? Естественно, чиновники писали инструкции, в которых предписывалось: «обратить внимание: ...5) на состав отводимых наделов с точки зрения установленных законом прав населения, учитывая, по возможности, уважительные ходатайства населения; 6) на правильность учета неудобных и долевого зачета малоудобных пространств; 7) на конфигурацию наделов (многоотрубность, чересполосность, узкополосность, длинноземелье и т. п.); 8) на причины неотвода лесных наделов; 9) на качество лесных наделов; 10) [8, л. 10]. Но при этом, как обычно, цели и задачи, провозглашаемые верховной властью, расходились с тем, что делалось на местах. Судя по результатам землеустройства, межевщики мало соблюдали требования, которые к ним предъявлялись со стороны правительственных чиновников. В отведенные участки замежевывались земли, вовсе непригодные для ведения сельского хозяйства [9].

В связи с началом реализации Столыпинской аграрной реформы с конца 1906 – начала 1907 гг., меняется общая землеустроительная политика. Во-первых, вследствие начала нового этапа переселенческого движения, во-вторых, вследствие пересмотра основополагающих принципов земельных отношений.

Прошения о прирезках земли крестьяне Западной Сибири подавали вплоть до революции 1905 г. В годы Столыпинской аграрной реформы число требований о прирезке земли увеличивается. Чем ближе дело подвигалось к войне, тем чаще сибирские крестьяне связывали свои требования к правительству с землеустройством, называя его разорительным и пагубным. Старожилы и новоселы требовали прирезки пахотных и сенокосных угодий, недостаток которых возникал зачастую в результате изъятия «излишков» земли по мере естественного прироста населения или водворения переселенцев.

Однако П. А. Столыпин, в своем письме от 6 сентября 1910 года Е. Е. Извекову «О всемерном содействии сибирскому крестьянству», писал: «В предвидении времени, когда населению придется удобрять свои земли Вашему Превосходительству, надлежит настаивать на образовании возможно мелких участков и не допускать прирезок к существующим переселенческим поселкам» [10].

Это требование было обусловлено природно-географическим фактором, о котором ярко и образно, ещё за десятилетие до Столыпинской реформы, написал во Всеподданнейшем докладе министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов, совершивший поездку в Сибирь осенью 1895 г.: «Почти беспредельное, на первый взгляд, пространство Сибири, на самом деле далеко не представляет собой неисчерпаемого земельного фонда. Напротив, количество земель, непосредственно пригодных для заселения, и в то же время могущих быть отведенными без всякого стеснения старожилого населения, русского и

иностранного, в настоящее время довольно ограничено, и земли эти, надо думать, будут заселены в течение нескольких ближайших лет... Скоро останутся свободными только необследованные, еще пустопорожные пространства, или непригодные в их нынешнем состоянии для заселения безводные или болотистые участки» [11, с. 84 – 85].

Летом 1896 г. была совершена поездка в Сибирь управляющего делами Комитета Сибирской железной дороги, статс-секретарем А. Н. Куломзиным, который перед собой ставил те же задачи, то есть выяснить состав земель, нужды переселенцев, условия, в которых новоселам приходится создавать свое хозяйство [12]. Он пришел к выводу, что главным сдерживающим фактором на пути самовольных переселенцев будет осведомленность о том, что их ожидает в Сибири. Для этого А. Н. Куломзин даже издал брошюру [13]. Он выступал за прекращение выпуска популярных книжек, рисующих прекрасную жизнь в Сибири и приглашающих к переселению.

Но много ли людей на Руси читало эти книжки? В своем отчете за 1907 г. заведующий переселенческим делом в Томском районе Михайлов писал: «...следует думать, что земство и землеустроительные комиссии не имеют действительного представления о Сибири. Все они предполагали найти обширные массивы свободных пространств, в которых можно устраивать большие партии выходцев из одной и той же местности и создавать однородные колонии» [14, л. 7]. В общественном сознании бытовал миф о бескрайних просторах благодатных земель за Уралом.

Необходимо отметить, что одной из причин увеличения в 1907 – 1910 гг. притока переселенцев из Европейской России в Сибирь было облегчение выхода крестьян из общины и право после 1906 г. продавать свои наделы с целью получения средств на переселение (ранее большая часть переселенцев оставляли свои земли общине бесплатно).

В специальном Циркуляре МВД № 42 от 19 июня 1910 г. «О применении закона 14 июня 1910 г.» за подписью Столыпина говорилось: «...домохозяевам, зачислившим за собою в Азиатской России участки казенной земли или получившим приемные приговоры от старожильческих обществ, разрешено, в случае заявления об укреплении прежних наделов в вышеуказанный срок, передавать состоящую в их пользовании общинную землю отдельным членам своего общества, с переуступкой последним и права на укрепление за ними этих наделов...» (ст. 42 – 44) [15, с. 106].

Это разрешение продавать свой надел в месте выхода давало возможность выручить необходимую сумму для переселения, так как правительственных ссуд и льгот в связи с ростом цен в Сибири на скот и инвентарь явно не хватало.

Здесь необходимо отметить, что уже выявились недостатки переселенческой политики, проводимой правительством: резко сократилось количество переселенцев, увеличилось обратное переселение, возросло число неустроенных и неприписанных переселенцев, поэтому осенью 1910 г. была предпринята поездка в Сибирь П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина [16, с. 79]. Были выдвинуты предложения по исправлению недостатков переселенческого движения: свобода пе-

редвижения ходоков, ослабление сословных ограничений в формировании контингента переселенцев, поддержка самовольных переселенцев, свобода выбора района заселения.

Небывалый приток крестьян – выходцев из Европейской России – мог повлечь дальнейшее осложнение земельных отношений в сибирской деревне. Губернские власти Сибири указывали на необходимость ускорения землеустроительных работ, ставя их в прямую связь с наплывом переселенцев [17, с. 31 – 32]. При заселении земельных отводов первые новоселы захватывали в свое пользование ближние и лучшие земли, прибывшим позднее оставались худшие и малоудобные земли. Кроме того, более сильные хозяйства распахиwały земли больше, чем полагалось по норме, разумеется, за счет маломощных переселенцев. На этой почве между переселенцами возникали столкновения. Земельные неурядицы на переселенческих поселках чрезвычайно усилились, особенно в 1906 и 1907 гг., когда во множестве поселков оказались одновременно и выходцы из малороссийских и юго-западных губерний, привыкших на родине к подворному землепользованию, а также латыши и крестьяне Привисленских губерний, воспитанных на хуторских порядках, и выходцы из центральных губерний России, не знавшие иного пользования землей, кроме общинного [18, с. 331].

Из этого можно сделать вывод, что землеустроительные работы по приведению к «земельной норме» старожильского и инородческого населения и выделению земель переселенцам поставленную задачу о «разрежении» аграрного кризиса в центре страны путем переселения выполнить могли лишь частично. Обычно считается, что в 1914 году землеустроительные работы были свернуты из-за начавшейся мировой войны, что соответствует истине, но был еще один немаловажный фактор, на который в исторической литературе недостаточно обращается внимание. Это исчерпание удобных земель, пригодных к хлебопашеству, а именно такие угодья требовались крестьянам-переселенцам.

В 1914 году инженер С. В. Шперлинг подал в Главное управление земледелия и землеустройства докладную записку с примечательным подзаголовком «О размерах потребности в мелиоративных мероприятиях по Томской губернии на ближайшее 10-летие в зависимости от полного исчерпания к настоящему моменту высококачественных казенно-земельных фондов в целях переселенческих» [19]. В этом документе он отмечает, что средств казны недостаточно для планомерного использования высококачественных земель, которые «под напором ежегодного переселенческого прибоя быстро были израсходованы в порядке всегда спешного для водворения переселенцев землеотвода» [19, л. 3 – 4]. Местные органы земледелия и землеустройства, как считал С. В. Шперлинг, оказались «в тупике из-за следующих обстоятельств: а) земли, непосредственно пригодные для переселенцев, израсходованы совершенно [выделено в тексте документа]; б) спрос на земли со стороны переселенцев не только не понижается, но возрастает...; в) местные Управления государственными имуществами правомерно протестуют против близорукого расхватывания. Местными переселенче-

скими организациями лесопокрытых суходольных пространств – предвидение у населения всей Западной Сибири лесного голода; г) допустимым, с точки зрения государства и широкой массы населения Западной Сибири, является лишь использование земель второй категории, то есть полупустынь и заболоченных пространств, непосредственно непригодных для сельского хозяйства» [19, л. 5 – 6].

Докладная записка инженера С. В. Шперлинга наглядно обрисовывает создавшееся положение. Имевшийся колонизационный фонд к 1914 году был исчерпан, на землях казны и кабинета в Томской губернии осело в 1907 – 1913 гг. – 1150068 человек, а обратные переселения составили 76529 человек [19, л. 21]. Для дальнейшей подготовки переселенческих участков требовались значительные вложения в мелиоративные работы. Правительство рассчитывало на то, что ограниченный в размерах земельный участок будет вынуждать крестьянина переходить от экстенсивного метода ведения земледелия к интенсивному.

Здесь возникает вопрос, какое количество крестьян-переселенцев могла принять Сибирь? Территория её огромна, но удобных земель для хлебопашества было не так много, на что обращали внимание ученые того времени [20, с. 82 – 83]. Да и те земельные наделы в силу различных причин использовались не полностью. Это отмечено в докладе об итогах сельскохозяйственной переписи 1916 года в Сибири, где сказано, что на величину посева в Сибири оказывают влияние естественно-географические условия, там, где разработка земли для пашни легче и климатические условия позволяют, там и размеры посевов выше «...в Томской губернии размер посевов колеблется от 3,2 в таежном Мариинском уезде до 6,7 в гористостепном Змеиногорском» [21, л. 9 – 10].

Кроме природных причин, на величину засеваемой пашни влияли и другие факторы, например, на землях Сибирского казачьего войска «переселенцы и казаки, имея большой земельный надел, не особенно заботились об интенсивном хозяйстве, расширяя посевы за счет целины» [22]. Огромные Сибирские просторы влияли на величину транспортных издержек: «Средние расстояния гужевой доставки по области весьма значительны и стоимость в среднем за доставку 21,7 коп., но при дальних расстояниях достигает 61,7 коп., что равняется и даже превосходит базарную среднюю стоимость» [22]. Однако и «...у населения, считающего столетиями свою оседлость, имеющие в своем обладании лучшие земли края по своим природным условиям и лучшей по экономическому их положению...использование пахотных и пригодных для пашни земель под посевами лишь 10,6 % удобных земель» [23].

Соглашаясь с приведенным выше мнением историков о том, что Столыпинская аграрная реформа научно не прорабатывалась, следует отметить работу правительства о подготовке сибирских земель к переселению. Другой вопрос, насколько работы финансировались, какие земли размежевывались в переселенческие участки, как действовали чиновники на местах. «Например, только неорганизованностью переселенческого движения и неустойчивостью крестьян-старожилов можно объяснить такие факты, чуть ли не ежедневно отмечаемые сибирской печатью, как

столкновение переселенцев со старожилами, киргизами и т. д.; занятием земель, принадлежащих фактически местному населению, скитание переселенцев с одного места на другое и т. д.» [24].

Считаем, что такие масштабные преобразования страны, как аграрная реформа начала XX века, нельзя оценивать однозначно, давая им сугубо негативную оценку или превознося положительные стороны. Безусловно, необходимо отметить то, что ухудшение качества отводимых переселенцам земель в Сибири было следствием действительного сокращения фонда удобных земель. При этом положение усугублялось политикой Казны и Кабинета, которые хотя и предоставили часть принадлежащего им земельного фонда под переселение, но лучшие земли стремились сдать в аренду [25, л. 3]. Тем не менее масштаб свершённого впечатляет. Всего за Уралом в 1906 – 1915 гг. было отведено под заселение 36 млн дес. (площадь, равная 12 Полтавским губерниям), а ежегодный прирост посевной площади составлял около 1 миллиона десятин [26, с. 58].

Думается, что, несмотря на значительное количество исследований и литературы по Столыпинской аграрной реформе, вопрос о причинах обратных переселений не достаточно изучен. Роль природно-географического фактора в этом процессе требует дальнейшей разработки.

Литература

1. Островский, И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода капитализма / И. В. Островский. – Новосибирск, 1991.
2. Дружинин, Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева / Н. М. Дружинин. – Т. 2. – М.; Л., 1946.
3. О государственном генеральном межевании в России. – СПб., 1868.
4. Лященко, П. И. Очерки аграрной эволюции России. – СПб., 1914. – Т. 2.
5. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XXIX. – № 22189.
6. Кауфман, А. А. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886 – 1892 гг. / А. А. Кауфман. – СПб., 1897.
7. «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» (23 мая 1896 г.). – ПСЗРИ. Собр. 3. – Т. XVI. – № 12998.
8. Сибирский вестник. – Томск, 1898 г. 20 января.
9. ГАТО. Ф. 196. Оп. 15. Д. 17. Лл. 321, 321 об, 322.
10. ГАНО. Ф.П.-5.Оп.4. Д.154.Л.1 об.
11. Прибавление к всеподданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ о поездке в Сибирь осенью 1895 г. – СПб., 1896.
12. Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. – СПб., 1896. Введение.
13. Куломзин, А. Н. Сибирское переселение / А. Н. Куломзин. – СПб., 1896.
14. ГАТО. Ф.239. Оп.1. Д. 24.Л. 7.
15. Закон об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении от 14 июня 1910 г. (Во изменении и дополнении Указа от 9 ноября 1906 г.). – СПб., 1911.
16. Тюткин, В. И. Освоение переселенцами земель Алтая в 1907 – 1914 гг. XX век: исторический опыт аграрного освоения Сибири / В. И. Тюткин. – Красноярск, 1993.
17. Когут, М. Т. Влияние Столыпинской аграрной политики на землеустройство сибирских крестьян / М. Т. Когут // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири. – Красноярск, 1982.
18. Складов, Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы / Л. Ф. Складов. – Л., 1962.
19. ГАНО. Ф.Д.151. Оп.1. Д.11. Лл.1-22.
20. Оланыон, Кл. Сибирь и ее экономическая будущность / Кл. Оланыон. – СПб., 1903.
21. ГАНО. Ф.13. Оп. 1. Д.9. Лл. 9-10.
22. ГАНО. Ф.Д.151. Оп.1. Д. 3.Л.19 об. Сведения о состоянии земледелия и скотоводства, об условиях сбыта с/х продуктов в Акмолинской области (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года).
23. ГАНО. Ф.Д.151. Оп.1. Д.5. Л.2. Документальные материалы по сельскому хозяйству и переселенческому делу в Сибири.
24. Народная летопись. – Новониколаевск, 1909. – 16 мая.
25. РГИА. Ф.391. Оп.1. Д.491. Л.3.
26. Горюшкин, Л. М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Об уровне и особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. / Л. М. Горюшкин. – Новосибирск, 1962.